

Все четверо новых служанок были моложе десяти лет. Две были даже моложе, чем Минлань. Минлань различала их исключительно по именам: Эрья, Чжаоди, Сяогуа и Ниуцзы. Пожилая госпожа Шэн с улыбкой предложила Минлань дать им новые имена. У Минлань даже был небольшой опыт в этом деле, она выбирала имя для Сяотао. Она собиралась назвать их в честь фруктов: Лицзы, Личжи, Пипа и Гуйюань. Да, это было бы просто прекрасно.

Но только она собралась открыть рот, как Данцзюй, тихо кашлянув, сказала с улыбкой на лице:

— Двух моих старших сестёр, которые служат четвёртой молодой госпоже, назвали Лючжун и Юньцзай. Я слышала, что это имена из книг. Не удивительно, что они звучат так приятно и утончённо.

Сяотао, стоявшая около Данцзюй, закатила глаза, выражая этим своё отчаяние по поводу своего имени. Пожилая госпожа Шэн вместе со служанкой Фан смотрели на Минлань с улыбкой и ожиданием в глазах. От этого Минлань стало неудобно. Это разве не просто поэзия династии Тан, которую никто не знает?

Минлань в панике открыла книгу стихов и принялась быстро просматривать одну поэму за другой. Гао Чань был также хорош, как Ли Бай, верно? Это же его вроде как называли бессмертной фигурой поэзии? Минлань с бесконечно напыщенным видом вышла в центр комнаты. Указав на самую маленькую девочку, она заявила:

— Тебя будут звать Яньцао, а тебя будут звать Бисы, — затем она указала на худую девочку, а после на робкую и застенчивую. — А тебя Циньсан, — и, наконец, самую смелую из девочек она окрестила Лучжи.

Данцзюй, которая была самой сообразительной из её служанок, тут же вышла вперёд со словами:

— Молодая госпожа дала им такие хорошие имена: красивые и благозвучные. К тому же, их имена происходят от названий растений, тогда как мы с Сяотао названы в честь фруктов. Спасибо вам, юная госпожа, за то, что вы выделили нас, двух глупых служанок, — сказав это, она поклонилась Минлань, потянув за собой Сяотао. От этого самоуважение Минлань частично вернулось обратно. Но тут Сяотао принялась радостно восхвалять Минлань.

— Да, сестрёнку Данцзюй и меня можно съесть, а их нельзя.

Минлань не смогла придумать ответ.

Услышав это, пожилая госпожа Шэн, всё ещё сидевшая на диване, расхохоталась. Четверо новых служанок тоже тихонько посмеивались, прикрыв рты руками. И даже служанка Фан, сидевшая на маленькой табуретке, улыбалась.

«С тех пор, как она попала в зал Шоу'ань, здесь стало намного веселее», — довольно подумала она. Пожилая госпожа Шэн действительно стала более весёлой в последнее время. И, поскольку её сердце было наполнено счастьем, её физическое самочувствие также улучшилось. Счастливый Шэн Хун заметил, что идея взять на воспитание ребёнка была замечательной. У пожилой госпожи теперь было достаточно энергии, так что она смогла бы даже руководить поместьем.

Вскоре после перетасовки слуг в поместье семьи Шэн, вернулся домой Чанбай, провожавший Хуалань. Шэн Вэю и Чанву нужно было задержаться в столице по работе, так что Чанбай вернулся первым. Вместе с ним приехал худощавый пожилой господин. Это был учёный Чжуан.

Шэн Хун ещё несколько лет назад пытался пригласить господина Чжуана в поместье, и за это время он успел написать ему множество писем и отправить множество повозок с подарками. Господин Чжуан имел репутацию прекрасного учителя. Множество его учеников становились высокопоставленными уважаемыми людьми, так что он много зарабатывал и был постоянно занят. За несколько месяцев до этого господин Чжуан отмечал своё семидесятилетие. В итоге он перепил на банкете и подхватил простуду на последующей прогулке. Он несколько месяцев пролежал в постели и доктор предложил ему отправиться в место с более тёплым климатом, где он смог бы восстановиться быстрее. Цзяннань был слишком далеко, так что префектура Ден подходила просто идеально.

Господин Чжуан внимательно заботился о своём пожилом теле, и, хоть он уже почти ничего не весил, он верил, что его жизнь всё ещё важна. Так что он согласился принять приглашение Шэн Хуна и отправился вместе с Чанбаем. Вместе с ним прибыла его жена. Их дочь уже была взрослой и давно вышла замуж за кого-то из Цзиньчжуна, а их сын был церемониймейстером в одном из южных округов. Шэн Хун специально подготовил для них покои в восточной части поместья. Слуги трудились там несколько дней, чтобы они стали пригодными для жилья.

Их сопровождала всего лишь пара-тройка слуг, но вместе с ними прибыло больше двух дюжин больших сундуков, каждый из которых был очень тяжёлым. Когда Минлань услышала об этом от Сяотао, она с грустью подумала о том, как выгодно было быть репетитором в древние времена.

Изначально, приглашая господина Чжуана, Шэн Хун планировал обучать лишь двух старших сыновей, но после уроков учительницы Кун он понял, что не следует беспечно относиться к услугам хороших учителей. Так что он обсудил этот вопрос с господином Чжуаном и добавил ему жалованье, дабы тот обучал ещё трёх дочерей и самого младшего сына Чандуна.

В день начала занятий Шэн Хун и Ван Ши позвали к себе детей, собираясь предупредить их. Первыми были Чанбай и Чанфен. Шэн Хун, как обычно, начал издали, напомнил о необходимости поддерживать честь семьи и вести себя так, чтобы не посрамить своих предков. Старшие сыновья послушно кивали, соглашаясь с ним во всём.

— Господин Чжуан — эксперт во множестве областей. Несмотря на свой возраст, он известен за свой острый ум и неординарное мышление. Он работает учителем уже больше десяти лет. И

он может подготовить человека к императорским экзаменам лучше, чем кто-либо ещё. Вам следует внимательно слушать и расспрашивать его, нечего лениться. И, самое главное, вам не следует гордиться вашими достижениями и талантами, хвалиться и вести себя надменно. Если я узнаю о таком, я переломаю ваши кости!

На этой холодной и жёсткой ноте Шэн Хун закончил свои нравоучения. Согласно Конфуцианскому учению отец не может дружелюбно относиться к сыновьям. Лучшее, что он может для них сделать, это бить их трижды в день. Хотя к дочерям, которые в будущем станут частью другой семьи, он может быть более дружелюбен. Так что, когда Шэн Хун повернулся к трём своим дочерям, он выглядел более приветливым.

— Хотя, говорят, что девушек не следует учить до тех пор, пока они не будут достаточно взрослыми, чтобы иметь возможность хорошо разбираться в политике. Но, как бы то ни было, чтобы правильно вести себя в обществе, важно обладать здравым смыслом. Также полезно бывает иметь хороший кругозор, поскольку над узко мыслящими девушками частенько насмеются. Я поговорил с господином Чжуаном и, с сегодняшнего дня, вы трое будете посещать все занятия с утра и до полудня. Занятия после полудня не обязательны, они посвящены написанию эссе и подготовке к экзаменам.

Когда Ван Ши услышала слова Шэн Хуна, она слегка позеленела. Она сама была безграмотной, она не умела даже читать, куда уж ей было до чего-то более сложного. Когда они ещё были молодожёнами, это не было проблемой, но со временем у Шэн Хуна это стало вызывать раздражение. Он позиционировал себя утончённым и сведущим человеком, так что, когда он, вздыхая, говорил «Луна нарастает и убывает», глядя на луну, он, конечно же, не ожидал, что его жена подхватит и продолжит строчку «подобно радости и горести, расставанию и воссоединению». Но он хотя бы ожидал, что она поймёт, что он говорит о текучести мира, а не о повседневных вещах вроде «сегодня же не пятнадцатое число, очевидно, что луна не круглая».

Прошло время и Ван Ши осознала, что из-за своей неграмотности являлась пятном на репутации семьи Шэн, так что она активно агитировала своих дочерей учиться. Хуалань была не против учиться, но Жулань в этом плане была словно копией Ван Ши. В любых других обстоятельствах она соображала быстро, но вот книги совершенно не переваривала. Ей тяжело давалось даже выучить несколько слов в день, её невозможно было сравнить с Молань, которая учила по несколько поэм за день и даже писала свои собственные. Подумав об этом, Ван Ши поморщилась и продолжила:

— Ваш отец прав. Вам, девочкам, не требуется учить стихи и писать эссе, но если вы будете знать хотя бы основы, вас уже будут больше уважать в жизни. В будущем, когда вы будете управлять вашими собственными домами, эти знания пригодятся вам, чтобы это выглядело изящно.

Услышав это, Молань склонила голову ещё ниже, а Жулань облегчённо выдохнула. Шэн Хун был согласен с тем, что сказала Ван Ши, поэтому не стал возражать.

— Когда вы пойдёте на занятия, не надевайте свои золотые подвески, — внезапно заметил он.

— Учёные видят в золоте и серебре лишь материальную ценность, а не духовную. — Подвески, которые вам подарил старший брат весьма хороши и подходят для приёма гостей, но на занятиях с учителем они будут неуместны и покажутся хвастовством.

— Да, тогда не надевайте их, — кивнула Ван Ши. — Вам троим не стоит одеваться по-разному, когда вы идёте на встречу с одним человеком, — поразмыслив немного, добавила она. — А что до украшений, пожилая госпожа же заказала для вас три нефритовых подвески, верно? Говорят, что нефрит самый благородный камень. Господин Чжуан явно оценит это.

— Ваша мать права, это хорошая идея, — удовлетворённо кивнул Шэн Хун. — Но разве у Минлань есть своя нефритовая подвеска? — спросил он, взглянув на Минлань так, будто бы извинялся.

— Минлань жила у меня недолго, так что я упустила этот факт, — с улыбкой ответила Ван Ши. — Но пожилая госпожа была внимательна. Она подобрала кусок качественного нефрита, который она привезла ещё из своей прежней семьи и отправила его к ювелиру. Когда я увидела то, что в итоге получилось, я поняла, что это была вещь прекрасного качества. Цвет и текстура камня были гладкими, с такой тщательной обработкой не удивительно, что получилась великолепная вещь. Эта подвеска была даже лучше, чем подвески четвертой и пятой дочерей. Но, в конце концов, это пожилая госпожа — её вещи всегда лучше многих!

Склонив голову, Минлань мысленно вздохнула.

«Ох, женщина, ты что, умрёшь что ли, если не будешь прятать в своих словах двойное дно?»

Причём это двойное дно было таким неглубоким, что все увидели его. Мальчики никак не отреагировали на это, Жулань закатила глаза, а Молань, до этого сидевшая с опущенной головой, удивлённо посмотрела на Ван Ши. Шэн Хун тоже понял, что подразумевала Ван Ши, так что он ответил, ничуть не изменившись в лице:

— Ты их законная мать, тебе следует быть более внимательной к своим дочерям. А сейчас за твою беспечность до сих пор отдувается пожилая госпожа. Так быть не должно, — но, увидев, что Ван Ши начала кусать губы, а в её глазах отражалось недовольство, Шэн Хун торопливо добавил. — Впрочем, не важно. В любом случае, Минлань живёт у матушки. За неё ты отвечать не обязана.

Шэн Хун с Ван Ши с нежностью посмотрели друг на друга. Некоторое время они сидели молча.

Услышав это, Минлань подумала, что Шэн Хун наверняка хотел сказать «Поскольку ты их законная мать, ты должна заботиться обо всех детях. Разве правильно выделять одного в любимчики и принижать остальных?»

Ван Ши же наверняка захотела бы ответить: «Как ты можешь так говорить? Они не были рождены мной и воспитывались не у меня. Зачем мне тратить на них деньги и усилия, когда

только лишь за то, что я не чиню им препятствий, меня уже можно считать святой! И почему твоя мать этого не понимает?»

А Шэн Хун наверняка ответил бы ей: «Не так уж и нужно заботиться о ней. Пусть обо всех заботятся их собственные матери, ну а раз мать Минлань уже умерла, пусть о ней заботится бабушка. И да, в будущем, думай, что говоришь!»

Наконец, закончив с остальными, Шэн Хун сказал пару слов Чандуну. Ему было всего лишь четыре или пять лет. Его родная мать, наложница Сян, изначально была одной из служанок Ван Ши. Как правило такие дети зависели от законной супруги, так что считалось, что его воспитывает Ван Ши. Хотя Ван Ши попросту игнорировала и мать и ребёнка, не помогая, но и не мешая им. Мальчик был весьма стеснительным и скромным, так как он не был ни законным ребёнком, ни любимчиком.

Когда они вышли наружу, Минлань увидела наложницу Сян, ожидавшую у дверей. Она смиренно ожидала их, уважительно склонив голову. Когда она увидела Чандуна, она просияла и торопливо направилась к нему, чтобы увести его. Минлань подумала, что если сравнить её с почившей наложницей Вэй, то наложнице Сян ещё повезло.

После того как Хуалань вышла замуж, Жулань переехала в павильон Вейжу. После того как Шэн Хун закончил читать нотации, Жулань, поникшая, вернулась к себе в покои. Она опрокинула мраморно-эбеновую табуретку и упала на кровать, после чего схватила расшитую сатиновую подушку и попыталась разорвать её изо всех сил. Следом вошла Ван Ши и, увидев происходящее, гневно возмутилась:

— Что ты творишь, дрянная девчонка?!

От неожиданности Жулань подпрыгнула и, поняв, что у неё спрашивают, начала громко возмущаться:

— Четвёртая старшая сестра увела из под носа предназначавшуюся мне нефритовую подвеску. Ладно, пускай! Наложница Линь умна! Но почему даже эта мелкая Минлань превзошла меня?! Может, меня тоже будет растить кто-нибудь другой?!

Ван Ши крепко схватила свою дочь за руку и рывком усадила её. Она щёлкнула Жулань по лбу и принялась отчитывать её:

— Разве твой отец потом не подарил тебе другую нефритовую подвеску? И цвет нефрита в нём был, между прочим, лучше, чем у Молань! Как ты можешь жаловаться, ты, вечно недовольное существо! Минлань отдали пожилой госпоже, а ты тогда, между прочим, не захотела переезжать в зал Шоу'ань! И как ты смеешь сейчас кого-то винить?!

— Я законнорождённая дочь! И не важно, нравлюсь ли я бабушке и удовлетворяю ли я её прихоти! Она всё равно должна относиться ко мне как к самой важной из них всех. Всего за

несколько дней Минлань обманула её и теперь она не отличает законную дочь от ребёнка наложницы! А эти правила и этикет, да это же просто смешно! Дочку наложницы нужно просто кормить, зачем обращаться с ней как с дочерью из богатой семьи?! Я слышала, что в других семьях дочерей наложниц считают за служанок, их могут в любой момент побить или продать. Какая семья будет их обеспечивать!

Услышав это, Ван Ши вышла из себя, но тут в комнату вошла служанка Лю Кун и с улыбкой подала ей чашку чая. Приказав другим служанкам уйти, она принялась убирать царивший на полу беспорядок, говоря:

— Молодая госпожа ещё слишком юна, она не знает всего. Только семьи торговцев и фермеров, не знающие этикета, будут так бесчеловечно обращаться с дочерьми наложниц. Чем более выдающейся является семья, тем более равны между собой будут юные девушки из этой семьи! Они относятся к ним как к почётным гостям, ведь неизвестно, за кого они выйдут замуж в будущем. Когда госпожа всё ещё жила в доме у своих родителей, у неё было две кузины. Одна из них была законной дочерью, а другая дочерью наложницы. Её семья относилась к ним одинаково. Когда пришло время решать вопросы брака, старшая, законная дочь, вышла за отпрыска богатой и известной семьи, а дочь наложницы вышла за бедного учёного. Но Небеса сыграли с ними неожиданную шутку, кто же мог знать, что богатая и известная семья обнищает, а тот бедный учёный разбогатеет. Та дочь наложницы была доброй, она не забыла о том, как о ней заботились и часто помогала своей родной семье и семье своей сестры. В итоге даже дети её сестры росли в её семье и свадьбы играли тоже в их семье.

Слушая всё это, Жулань кипела от злости.

— Старшая служанка Лю намекает, что я буду как эта законная старшая дочь? — холодно рассмеялась она.

— Ах ты, бестактное существо! — хлопнув Жулань по спине, гневно произнесла Ван Ши. — Служанка Лю — преданный нам человек. Она сказала всё это, потому что заботится о нас! Она имела в виду, что чем более выдающейся является семья, тем меньше они захотят плодить слухи. Именно поэтому ко всем незамужним девочкам стоит относиться одинаково, как к равным. Но ты постоянно стремишься всех превзойти! Хотя у тебя самой нет никаких выдающихся талантов, которые могли бы понравиться господину или пожилой госпоже. Ты не хочешь учиться у Хуалань — ладно! Но поучись хотя бы у Минлань!

Жулань помрачнела и замолчала.

«Разве мама не сказала, что у пожилой госпожи нет ничего, что она смогла бы нам подарить? Почему тогда сейчас она начала так щедро раскидываться золотом и нефритом?» — думала она.

Мысли Ван Ши, в свою очередь, были не менее мрачными: «Сгнившему кораблю гвозди не помогут. Это всё моё невежество».

Поразмыслив немного, она принялась терпеливо объяснять своей дочери:

— Твоя проблема в том, что ты не можешь ужиться с другими людьми. Твоя шестая младшая сестра никогда не соперничала и не ругалась с тобой, а ты не можешь ужиться даже с ней. К тому же у тебя нет никаких полезных талантов. Я опасаясь, что в будущем ты из-за этого пострадаешь. Так что в любом случае тебе не стоит соперничать с ними. Ты, как и твоя старшая сестра, обладаешь статусом. Тебя гарантировано выдадут в лучшую семью, нежели их и ты будешь жить в большем комфорте. Ради чего ты сражаешься с ними сейчас? Подумай, стоит ли твоя причина того чтобы вызывать немилость твоего отца? И раз уж ты так этого хочешь, хотя бы осознай, что этим ты рушишь всю гармонию в отношениях сестёр!

Похоже, Жулань в какой-то степени тронули эти слова. Она неохотно кивнула.

В день начала занятий Молань, Жулань и Минлань собирались на уроки вместе. Все они были одеты в зелёные жакеты с длинными рукавами под горло, расшитые на груди узорами в виде абрикосов и цветущих ветвей. Эти жакеты дополнялись юбками, белоснежными, словно облака. На их шеях висели нефритовые подвески, которые держались на полосках золотистого шёлка Ин Люо.

— Эта подвеска выглядит так прекрасно. Должно быть, она стоила бабушке целое состояние. Когда я вернусь, мне следует поблагодарить её, как подобает, — сказала Молань с улыбкой, обращаясь к Минлань. Поскольку уроки проходили по утрам, пожилая госпожа Шэн позволила всем посещать школу, чтобы избежать каких-либо неприятностей.

— Да, они хорошо выглядят, но они же такие тяжёлые. Однажды у меня была золотая подвеска, которая весила несколько килограмм, — беззаботно заметила Жулань. Смотревший до этого в книгу Чанбай бросил на неё недовольный взгляд.

— Несколько килограмм? Да такой вес же шею сломает! Не мудрено, что я не видела, чтобы ты её носила. Ещё едва взглянув на неё, я подумала, что эта подвеска, должно быть, жутко тяжёлая, — пробормотала Минлань себе под нос, потирая шею.

— Должен заметить, шестая младшая сестра, что нефрит в твоей подвеске высшего качества. Похоже, что этот нефрит добыли в западной части гор Куньлунь, — произнёс Чанфен, внимательно разглядывая подвеску Минлань.

Молань, которая уже давно положила глаз на эту подвеску, услышала, что её брат заговорил, и тоже направилась к Минлань. На первый взгляд подвеска показалась Молань однородно-белой. На её поверхности проглядывались лишь маленькие красноватые прожилки, который складывались в узор, напоминавший феникса. Текстура нефрита была красивой и изящной, а сам камень был обработан безупречно.

— Действительно, очень хороший нефрит. Я никогда не видела нефрита такого качества, — прокомментировала Молань. Она почувствовала, что завидует Минлань и не может прогнать из своей головы мысль, что нефрит Минлань лучше, чем её собственный. И что если она придёт в

зал Шоу'ань со своим нефритом, её засмеют. Но если бы это был нефрит Минлань... Но этот нефрит принадлежал не ей. Молань осознавала, что пожилая госпожа Шэн откажет ей, если она попросит такой же. И этот факт весьма сильно бесил её.

Жулань, сидевшая в другой части комнаты, не слишком-то разбиралась в сортах нефрита. Посмотрев на подвеску, висевшую на груди Молань, она вспомнила про предупреждение Ван Ши, из-за которого она изо всех сил старалась сдерживать себя. Но раз уж все вокруг заговорили о нефрите, она не смогла удержаться и заявила:

— Берегись, шестая младшая сестра. Четвёртой сестре понравился твой нефрит. Она может пойти к отцу и попросить его. И, кто знает, возможно, твой нефрит затем действительно окажется в её кармане.

Чанбай нахмурился и вернулся обратно к чтению книги. Молань покраснела и возмутилась:

— Пятая младшая сестра, что всё это значит? Разве могу я намеренно пытаться отобрать вещи, принадлежащие моей сестре?

Чанбай бросил предупреждающий взгляд в сторону Жулань. Поймав его, Жулань почему-то вспомнила о наказании розгами.

— Ничего? Просто мне пришли в голову странные мысли, когда я увидела подвеску четвёртой старшей сестры. Пожалуйста, не обращайтесь на это внимания, — тихо и осторожно произнесла она.

Минлань сразу же принялась разглядывать подвеску, висевшую на шее Молань. Она тоже была сделана из прекрасного белого нефрита. К тому же, это была редкая разновидность нефрита — большинство прожилок были тёмными, словно чернила. Это выглядело очень красиво и вызывало ассоциации с реками чернил, стекающими по горе. Минлань была поражена красотой этой подвески.

— Это подарок дядюшки Вана. Отец отдал его мне, ибо он подходил моему имени. И, к тому же, после того как отец подарил мне этот нефрит, он приказал подобрать для тебя ещё один кусок, более высокого качества. Так что, почему ты всё ещё возмущаешься из-за этого?

— Я младшая сестра, я не знаю, насколько хорош нефрит качеством. Я знаю лишь то, что это задумывалось как подарок мне от моего дядюшки, — Жулань выдавила из себя смешок.

— Пятая младшая сестра, не забывай, он ещё и мой дядюшка, — ответила Молань с хитрой улыбкой.

Жулань гневно воззрилась на Молань, сжав зубы, но не осмелившись сказать ничего по поводу её статуса.

Примечания:

- 1) Иероглиф «Мо» в имени Молань переводится как чернила.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/484300>